

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЬЕСЫ

В 1957 году в четвертом номере журнала "Театр" была опубликована драма молодого писателя В. Курочкина "Козыриха". В 1959 году, в августе, на сцене Московского драматического театра состоялась премьера комедии В. Курочкина и Б. Равенских "Сердце девицы затуманилось...". Только человеку с необузданным воображением может прийти в голову мысль, что речь идет об одной и той же пьесе. Даже, сидя в театре, не сразу догадаешься об этом — настолько печатный вариант отличается от сценического.

Курочкин написал психологическую драму, жанр спектакля, поставленного Равенских... Впрочем, об этом позже. Лучше последим за спектаклем с пьесой в руках.

Первые сцены изменены незначительно, и цель режиссера, вносящего эти изменения, пока неясна. Но вот, собственно говоря, завязка пьесы — появляется лесник Антон. Читаем.

ДАРЬЯ: Прежде чем войти, надо постучать. Деревня-матушка.

АНТОН. Спасибо.... Здесь живет избач Козырев?

ДАРЬЯ. Живет.

АНТОН. Он библиотекой заведует?

ДАРЬЯ. Заведует.

АНТОН. Вы его жена? Я догадался.

ДАРЬЯ. Парень, кажется, еще молодой, а какой умный.

А теперь обратимся к спектаклю.

С улицы приближается песня, явно рассчитанная на то, чтобы все встречающие девушки немедленно влюбились в исполнителя. Дверь открывается как бы сама собой, в комнату врывается луч света и вместе с лучом — победоносно улыбающийся Антон. Он некоторое время беседует с непонятно зачем оказавшимся здесь колхозником Петром Сорокотягой. Потом робко входит Дарья,

настойчиво показывая свое смятение и растерянность. Улыбка на лице Антона становится еще победоноснее, он читает стихи Блока и интересуется, не сестрой ли приходится Дарья избачу Козыреву. "Жена", — страдальчески отвечает Дарья. Победоносная улыбка на лице Антона сменяется выражением скорби и подавленности.

Попытки найти в этих двух сценах что-нибудь общее обречены на безусловную неудачу.

Но — дальше. Лесник уходит из избы, появляется колхозница Таня с полубезумным, остановившимся взглядом и сообщает, что Антон носил ее на руках. Ищем это немаловажное сообщение в пьесе и не находим ничего похожего.

Далее постановщик на некоторое время утихомиривает свое разбушевавшееся воображение. Пьеса идет сравнительно нормально, и зритель вначале растерявшийся от обилия режиссерских "находок" получает, наконец, возможность осознать, что все они печатью вдохновения и, главное, хорошего вкуса не отмечены.

Однако передышка оказалась недолгой: доверчивого зрителя подстерегали еще и не такие сюрпризы. Почувствовав, вероятно, что во всем происходящем на сцене уже есть комедия, есть драма и не хватает только трагедии, режиссер тут же восполняет этот досадный пробел. В спектакле, который Б.Равенских упорно, игнорируя содержание пьесы, пытается направить в комедийное русло, вдруг появляется нж сцена, почти дословно списанная... из "Грозы". Помните, там Катерина, боясь, что у нее не хватит сил бороться с чувством к Борису, страстно уговаривает нелюбимого мужа не уезжать? Так вот примерно то же самое, только стена и ломая руки даже сверх меры, допустимой в трагедии, проделывает Дарья, когда Митя Козырев уезжает сдавать экзамены в город.

Что и, можно было, конечно, идти дальше и заставить Дарью в конце концов утонуть... Все можно, если у режиссера атрофируется чувство меры. И чувство юмора тоже.

Постановщик снисходительно отнесся только к одному персонажу пьесы - Пеке Сорокотяге, который пришел в спектакль в почти неизменном виде. Вероятно, потому, что высказывает мысли, всерьез заинтересовавшие режиссера. К примеру, мечты Пеки о красивой жизни, о том, чтобы быть неотразимым. "Первым делом заведу габардиновый костюм с поясом на спине и накладными карманами. Потом машину куплю. Надену я костюм с накладными карманами, сяду в машину и поеду жениться... Была бы машина, а невеста будет".

Режиссер рассудил, что машина - даже лишнее, хватит костюма с накладными карманами. И ввел удивительную по своей бесвкусице сцену оболъщения Дарьи...

...Вернулся из города муж и пришел за Дарьей на танцплощадку. Дарья уже готова идти с ним. Но вот раздаются звуки душещипательного танго. На сцену роковыми шагами выходит Антон, весь в черном (надо ли говорить, что на нем костюм с накладными карманами?), становится в позу демона-искусителя. А танго все призывнее... Ну, спрашивается, нужна ли здесь еще машина?! Дарья и без того не может устоять. Очарованная, она подходит к демону и при полном безмолвии ошарашенных зрителей танцует с ним томное и страстное танго любви. Будь Сорокотяга в театре, он остался бы доволен...

Но не только ходульными страстями и картинками "красивой жизни" поразителен этот спектакль. В стремлении сгладить, свести на нет реальные жизненные столкновения, некоторые во многом интересно переданы в пьесе, заменить их столкновениями

придуманными, сугубо условными, режиссер вытаскивает на свет божий, казалось бы, безвозвратно ушедшие в прошлое штампы бесконфликтной драматургии.

По ее законам в пьесе непременно должна быть производственная проблема, которую героиня благополучно разрешает, используя для этого короткие промежутки времени между песнями, танцами и любовными переживаниями. Причем делает она это в основном для того, чтобы обогнать соперницу и вернуть любовь непостоянного бригадира (впрочем, можно и не бригадира, тут могут быть варианты).

И вот Дарья, поступив на ферму, начинает (из приведенных выше соображений) добиваться высоких производственных показателей, она требует, чтобы в корм свиньям добавляли горох, отчего свиньи, по ее мнению, будут быстрее прибавлять в весе. Решению этой проблемы отведено в пьесе всего несколько минут, ни на характеры, ни на поступки персонажей она никак не влияет. Но так полагается по шаблону.

Или, скажем, есть в пьесе образ секретаря партийной организации Климова, не очень, в общем, удачный, но наделенный кое-какими живыми черточками. И эти живые черточки наглухо перечеркнуты той речью, которую произносит парторг, чтобы урезонить Дарью, речью, появившейся опять-таки в сценическом варианте пьесы. На протяжении этой проповеди, нравоучительной и нудной, заснул бы человек куда более терпеливый, чем Дарья. Последняя же вдруг ни с того ни с сего начинает вскипывать и утверждать, что парторг ей сердце разбередил. Такой психологический казус нельзя объяснить даже крайней эксцентричностью натуры Дарьи. А по шаблону — все верно...

Банальности, декларация — и рядом обольстители в черном, "страсти и ключья". Казалось бы, дикое, противоестественное соседство. А подумаешь получше — не такое уж противоестественное. И то и другое — из арсенала сценических штампов, давно вышедших из употребления. И то и другое приходит на помощь тогда, когда режиссер не может или не хочет сказать что-то интересное, свежее, когда ему изменяет вкус.

Б.Равенских не раз говорил, что он стремится оттенять в жизни прекрасное, светлое, стремится показывать людей гармоничных, счастливых. В спектакле "Сердце девичье затуманилось" это благородное стремление угадывается с трудом. На первом же плане — сделать так, "чтоб было красиво", танцующие и поющие колхозницы, габардиновые костюмы и страсти, ими рождаемые, пошлые и плоские шутки, по какому-то в высшей степени странному недоразумению должны изображать народный юмор. В спектакле властвуют прилизанность и сусальность, вызывающие в памяти отрывки с целующейся конфетной парой и надписью: "Иду ответа, как соловей лета".

Режиссер не сумел совершенно убрать драматический конфликт пьесы, он его только искалечил и изрядно опошил. Поблекли, исказились образы, пропала напряженность верно найденной драматургом атмосферы пьесы. Получился спектакль, весьма неопределенный по жанру, но зато чрезвычайно определенный по своим художественным качествам. И это тем более обидно, что ставил его неоспоримо одаренный режиссер Б.Равенских, что именно в этом спектакле дебютировали на сцене театра З.Кириенко и С.Яковлев. Можно почувствовать, что актеры эти обаятельны и

талантливы, тем более, что мы знали об этом и раньше. Но весь стиль постановки заставляет их играть в надрывной, неестественной манере, навязчиво до бестактности демонстрируя переживания героев в манере дурной театральщины.

х

х

х

Своим режиссерским решением, своим соавторством Б.Равенских убил неплохую, в общем, пьесу наповал, он не счел нужным проявлять даже самое элементарное уважение к автору, к его замыслу, к его стилю. Там, где пьеса "сопротивлялась", режиссер переворачивал, выбрасывал целые сцены и вписывал новые. Такой метод работы с молодыми авторами вряд ли будет способствовать появлению в драматургии новых имен, в чем театральное искусство очень нуждается.

Такой метод работы с авторами, наконец, находится в полном несоответствии с тем, что мы привыкли понимать под словом "этика".

Да, настоящий режиссер должен постоянно искать, экспериментировать. Но если он не будет считаться с требованиями чувств меры и художественного вкуса, если будет экспериментировать со старыми, давно изжившими себя театральными приемами и тому же ни в грош не ставя индивидуальность драматурга, пусть даже молодого, если так, — это будут поиски без находок.